

С.ВИКУЛОВ

ЗАХОТЕЛОСЬ МИШКЕ МОЛОКА

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

ЗАХОТЕЛСЯ
МИШКЕ
МОЛОКА

ВОЛОГДСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

Художник Б. И. ШАБАЕВ.

Сергей Васильевич Викулов
ЗАХОТЕЛОСЬ МИШКЕ МОЛОКА

Редактор *А. П. Гусев.*
Худ. редактор *П. Ф. Макаров.*
Корректор *В. С. Каменев.*

Подписано к печати 1.11.1964 г. Бумага 70 × 90¹/₁₆.
Бум. л. 0,75. Печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 1,49.
Тираж 90 000, (3-й завод 60 001 по 90 000).
Цена 9 коп. Заказ 6345.

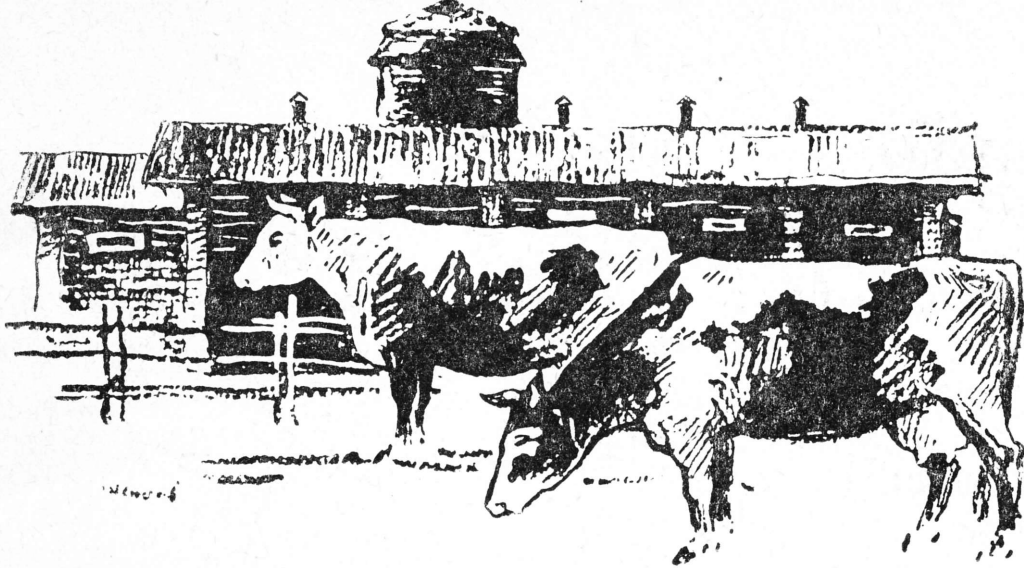
Областная типография, Вологда, ул. Калинина, 3.

Возле скотного двора,
серебром сверкая,
говорлива и быстра,
речка протекает.
А за речкой—тёмный лес:
сосны да ели
поднялись до небес,
облака задели.
Тишина в лесу и мгла,
мох да паутина...
Там медведица жила,
медвежат растила.

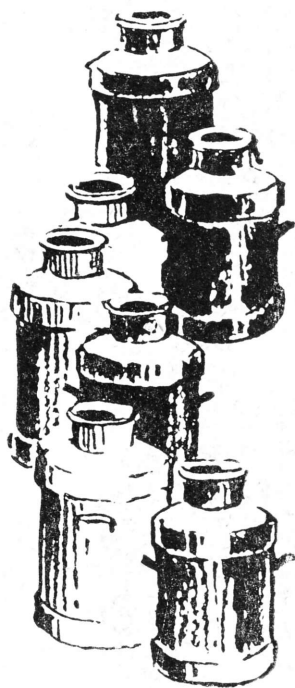

С
натилося за лес солнышко:
спать солнышку пора.
Коровушки-бурёнушки
мычат возле двора.
Они вернулись с пастбища,
усталые слегка.
Но рано, рано спать еще
бурёнушкам пока.
И в сумерках, халатами
белея там и тут,
дойрки с аппаратами
к бурёнушкам идут.
Чуть звякают посудинки.
Бурёнкам задан корм.
И сладко пахнут сумерки
коровьим молоком.

Подоены, подоены
бурёнки все почти.
И время за бидонами
машине подойти.
Но нет, не светит фарами
трёхтонка на ходу.
Наверное, авария
случилась, на беду.
Ночь тёплая и лунная...
А людям не легко:
—Прокиснет за ночь,—думают,—
в бидонах молоко.

Вдруг кто-то:—Погодите-ка...
А может быть, пока
не надо холодильника—
ведь рядышком река?!
Вода в речушке чистая
и ночью—холодней...
И вот присели, выстроясь
в рядок, бидоны в ней.
Присели в лунном серебре
меж тёмных камешков,
присели, будто семеро
железных мужиков.

медведица седая,
отвалясь чуть-чуть
назад,
в это время восседала
в окруженьи медвежат.
Когти о землю точила,
было старой не до сна:
уму-разуму учила
глупых детушек она.

— Не ходите, медвежата,
там, где ходят мужики.
Руки их коротковаты,
да удары далекы.
Не уйдёте от расплаты:
на плече у мужика
завсегда висит „лопата“
пострашнее кулака!
Как прижмёт её к плечу да
как прищурит левый глаз—
улепётывай, покуда
не попало! В добрый час.

А помедлишь чуть, как дома, —
горяча, быстра и зла,
из „лопаты“ этой с громом
тотчас вылетит
пчела!

Как ударит в лоб ли, в зубы —
упадёшь... Она крепка!

И твоя медвежья шуба
станет шубой мужика!..

А без шубы жизнь худая.

Как без шубы жить в лесу?!

И поморщилась седая,
и размазала слезу...

е шелохнутся медвежата.
Сидят во тьме — брат возле брата, —
дрожат: боятся мужика.
Он где-то тут наверняка!
А старший брат, по кличке Пестун,
и ухом даже не ведёт.
Сидит себе на мягком месте
да чешет лапою живот,
да рот дерёт — неинтересно...

Ведь он не маленький давно,
и всё-превсё ему известно
и даже чуточку смешно.
Лежит, мечтает непоседа:
„Пчела... Подумаешь—пчела!
Да, зла. Но он-таки отведал
недавно мёду из дупла!
Распухли, правда, нос и губы,
и плохо видел левый глаз,
но мёд-то в брюхе! Эх, ему бы
удрать куда-нибудь сейчас!
Поесть малины бы, покуда
храпят в деревне мужики.
За час—далёко ли отсюда?—
дошлёпать можно до реки.
Уж там малины, там малины!..
Открой пошире только рот—
и никакой тебе корзины
совсем не требуется, вот“.

...Меж тем медведица заснула,
обнявши лапой медвежат.
А Пестун с кочки, как со стула,
встал и пошёл: „Пускай лежат!
Пускай... Медведя ноги кормят!“
Через ручей пробрался вброд,
потом осинку вырвал с корнем,
согрелся малость—и вперёд!
Вперёд! И вот она—малинка...
Рот вмиг наполнился слюной.

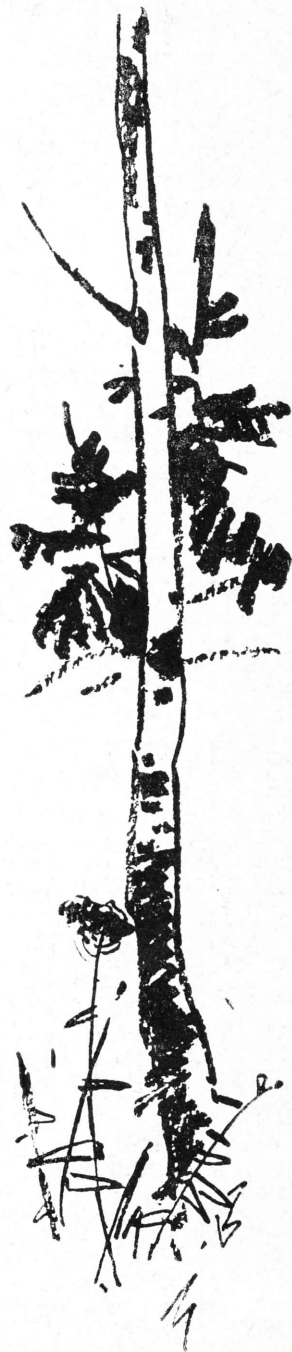
На каждой ягоде росинка
горит, сверкает под луной.
Губами ягод пять для пробы
сорвал, прищёлкнул языком:
душисты, сладки!.. Ах, ещё бы
их чуть присыпать сахарком!

Но ничего... И так неплохо!
Наелся досыта, хитрец,
и отвалился с тяжким вздохом:
бок закололо, наконец.
„А всё же славное местечко!
Теперь поплюю—и был таков!..“
И тут, тихонько выйдя к речке,
он в ней увидел мужиков.
Они, раздетые, сидели
среди камней, в воде до плеч.
„Ага,—решил он,—захотели
меня, наверно, подстеречь!
Ну, нет... Не выйдет это! Дудки!
Я не такой-то уж простака,
чтоб надо мной такие шутики
шутить...“—И спрятался в кустах.

И стал смотреть... И вдруг, с рассветом,
медведь, взглянув во все зрачки,
увидел явственно, что это
сидят... совсем не мужики!
Но кто тогда? Немедля надо
узнать — не терпится ему!
Бегом к реке... И вот уж рядом
бидоны! Страшно одному.
Понюхал их. Потом полапал.
И душу вдруг разбередил
какой-то очень вкусный запах...
Тряхнул бидон, что было сил!
Ещё сильнее запахло вкусным.
Слюна скатилась с языка...
И он напрягши каждый мускул:
„Эх, ма!“ — облапил „мужика“
и потащил его под кустик.
Топ, топ... И вдруг на камень
 задом
упал, запутался в траве.
— Ой, ой! — И лапою с досады
хрясь „мужика“ по голове!
И диво! Щёлкнув, отлетела,
раскрылась крышка широко.
И на траву рекою белой
плеснуло, пенясь, молоко!

Нагнулся Пестун. Лижет. Мало!
Хоть по усам оно текло,
а в рот почти не попадало...
Разобрало медведя зло!
Взревел с отчаяния он
и сунул голову в бидон!
Темно в бидоне, как в берлоге.
Зато всё рыло в молоке!

А в это время по дороге
доярки топали к реке.
Но он не слышит. Пьёт, беспечен.
Надулся вроде пузыря.
„Нет, как хотите,—к этой речке
я вышел всё-таки не зря!
А братья—струсили... Известно!
Что ж, пусть голодные сидят!“—
Так про себя подумал Пестун
и дёрнул голову назад.
Но... Вот так раз! Не лезет! Туго...
Прирос как будто к голове
бидон... И Пестун с перепугу
вдруг заорал на всю округу
и стал кататься по траве...

В озле речки, там, где брод,
с полчаса уже народ
спорит о пропаже:
— Неужель в колхозе вор
объявился?! Стыд! Позор —
коли кто расскажет!
На весь мир ославят нас!
А не то — неровен час —
настрочат в газету.
И начнётся звон-трезвон:
„Был, мол, вечером бидон,
а под утро нету...“
„Как же строить коммунизм
с таким народом?!“

Вдруг — крик! Вдруг — визг
поднялся над бродом.

— Вот он вор! За кустом...

— Где?

— Да вон! Держи-ите!!!

— Не уйдет: лежит пластом...

— Мужики, вяжите!

— Чей хоть есть — поглядеть...

— Пьяный али трезвый?

Вдруг как вскочит медведь
с головой железной!

— А-ай!—и все, как горох,
врассыпную, к броду:
кто—в грязь,
кто—в мох,
а одна—с ходу
с бережка—в воду!
И кричит из воды:
— За ружьём, Гришка!!!
Ох, наделал беды
маленький воришка.

В ямку лапою ступил—
и свалился снова...
— Сам себя погубил,
голова садова...—
Так сказал пастух-старик
(он один не струсил).
— Что вы подняли крик,
гуси?!
Хватит попусту кричать,
зверя надо выручать...—
Подошёл и ловко
в два ряда, в три ряда
спутал Мишке борода
лапушки верёвкой,
чтоб не вздумал драться он...

И под общий хохот
с головы его бидон
снял:— Возьми, Алёха...
Михаил от молока
весь— не бурый— сивый.
Поглядел на старика
и сказал: „Спасибо“.
И ещё сказал, кляня
чёртову посуду:
— Отпустите меня...
Больше я не буду
воровать молоко,
убегать далеко,
не спросясь у мамы...

— Ох, хитёр ты, малый!—
погрозил в ответ старик
медвежонку строго.

(Видно, он лесной язык
понимал немного).

— В лес тебя, баловника,
отпускать опасно:

лапа больно велика...

Попадись—намнёшь бока,
кожу спустишь... Ясно!

Нет уж, раз ты попал
сам в ловушку, дурень,
поезжай в зоопарк,
поучись культуре!

